

Григорий Григорьевич Маразли

Отец Григория Григорьевича Маразли, Григорий, если не ошибаюсь, Иванович, был старожилом Одессы уже тогда, когда ей еще не было и 25 лет существования.

Он нажил состояние коммерцией и исполнял при графе Ланжероне разные общественные обязанности.

Я упоминал уже однажды, что в первые годы Одессы ее градоправители широко пользовались так называемыми общественными силами, то есть часто обращались в трудные минуты к советам и содействию лиц, не занимавших в городе никаких официальных должностей, но полюбивших свою новую родину и готовых сделать все для ее блага.

Наиболее ярким проявлением общественности в старой Одессе было добровольное участие горожан всех состояний и сословий в ответ на призыв герцога Ришелье в действиях администрации по оказанию помощи правительству в тяжелое время 1812 года.

Нашествие Наполеона на Россию и внезапная вспышка чумной эпидемии в Одессе сплотили вокруг Ришелье всех именитых граждан (в том числе был и мой дед, Феликс де-Рибас, получивший особую благодарность и медаль за участие в борьбе с чумою).

Принесли тогда одесситы на дело спасения отечества и родного города крупные жертвы трудом и деньгами.

Когда потом, при графе Ланжероне, поднят был вопрос о введении в Одессе оказавшего ей столько блага порто-франко, администрации вновь понадобилось дружное содействие граждан.

В числе призванных Ланжероном, как по делу порто-франко, так и по другим, добрых советчиков (*hommes de bon conseil*), состоял и Маразли.

Любопытен факт, что отец бывшего нашего городского головы оказал особую услугу Одессе в чисто хозяйственном вопросе, ставшем впоследствии предметом особенных забот Григория Григорьевича — в вопросе о водоснабжении города посредством "общественных колодцев".

Суть в том, что было время, когда в Одессе не только не существовало водопровода, но не было и тех "цистерн", каменные вышки которых сохранились теперь еще в немногих старых домах. Население пользовалось водой из бивших в разных балках ключей и фонтанов и из колодцев, которые жители рыли без всякой системы в разных частях города.

Рыли колодец, вода оказывалась солоноватой, колодец бросали, рыли

другой и т. д. Кроме того, колодцы эти составляли частную собственность усадьбовладельцев, и население, не имевшее в Одессе домов, переплачивало за воду большие деньги.

Вот в этом-то вопросе и пришла администрация на помощь населению. Была образована специальная комиссия из нескольких именитых граждан — в том числе Маразли-отец — для приведения в известность всех в Одессе частных колодцев и фонтанов и для устройства "общественных колодцев".

Мне рассказывал один почтенный старожил, что он помнит время, когда в Одессе на самой середине Большой Арнаутской улицы зияло несколько таких "общественных колодцев", откуда забирали воду бабы ведрами и знаменитые одесские водовозы.

Но во времена этого старожила, сравнительно молодого еще человека, были уже кроме колодцев и цистерны. Цистерны эти давали роскошную воду, которою пользовались зажиточные люди для столового питья и для самоваров. Некоторые домовладельцы, располагавшие на своих домах большим протяжением железных крыш, получали в своих цистернах такое обилие дождевой воды, что продавали ее ведрами и наживали на ней большие деньги (один домовладелец получил от дождевой воды свыше 6 тысяч рублей дохода в год).

Кроме службы городу Маразли-отец много поработал и на пользу своих соотечественников-греков, участвуя в учреждении в Одессе разных просветительных и благотворительных греческих обществ.

Многие одесситы, помнящие стихи Пушкина из его "Евгения Онегина":

Я жил тогда в Одессе пыльной

.....

Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке Морали,

думали, что поэт имел в виду отца Григория Григорьевича Маразли, которого не назвал полной фамилией из деликатности, но мой отец в одном из своих очерков, помещенных в "Правде", точно разъяснил, что между Морали и Маразли решительно ничего общего не было.

Пушкин видел на улицах Одессы настоящего корсара в отставке, каких немало было у нас в его время. А Маразли был самым обыкновенным, но почетным негоциантом.

Заговорил я об отце Григория Григорьевича по поводу присланных мне от одного любезного старожила воспоминаний о нашем покойном городском голове.

Интересные воспоминания эти не охватывают всей биографии одного из виднейших общественных деятелей нашего города, но отлично его характеризуют в домашней и общественной жизни.

Когда-нибудь следовало бы написать более подробную биографию Г.Г. Маразли. А пока ограничусь сообщением, что отец его дал ему отличное светское воспитание, сначала домашнее, а потом в Ришельевском лицее. Григорий Григорьевич состоял гласным одесской Думы с 1866 года и городским головою с 20 сентября 1878 года до 1895 года.

Передаю слово моему симпатичному сотруднику:

"Последняя четверть XIX ст. истории Одессы тесно связана с управлением города городским головою Г.Г. Маразли и его ближайшими сотрудниками. Им мы посвятим свои беглые воспоминания и впечатления.

Раннею весной, в четверг на страстной неделе, священник читает двенадцать Евангелий в церкви училища садоводства, помещавшегося в половине восьмидесятых годов прошлого столетия на Малом Фонтане, дача Маразли. В числе молящихся находятся одесский городской голова Г.Г. Маразли, его товарищ барон Витте и несколько знакомых. В течение с небольшим часа времени чтение Евангелий было окончено, так что к семи часам вечера все названные лица успели приехать с Малого Фонтана в дом Г.Г. Маразли на углу Дерibasовской и Пушкинской, где их ждал обед радушного хозяина. Г.Г. Маразли не был женат, поэтому за обеденным его столом собиралось исключительно мужское общество, неизменно в числе шести лиц, включая сюда хозяина. Пред началом обеда Г.Г. Маразли становился у входа в столовую, пропуская мимо себя приглашенных гостей, которые направлялись к роскошно сервированному закусочному столу. За столом место напротив хозяина неизменно занимал ежедневный собеседник Г.Г. Маразли, который в то время нес обязанности товарища городского головы, сперва барон Витте, затем профессор В.Н. Лигин. Более почетный гость садился справа от хозяина, остальные лица — Стамеров, Кумбари, Хионаки — занимали обычные свои места.

Страдая болезнью глаз, Г.Г. Маразли, садясь за обеденный стол, надевал зеленый зонтик, скрывавший все его лицо. Прислуга во фраках подавала кушанья и наливала вина, шепча их названия: мадера, бордо или бургонское, кипрское. По окончании обеда Г.Г. Маразли снова становился у входной двери столовой и пропуская мимо себя своих гостей, которые

пожимали ему руку и направлялись в бильярдную и кабинет. Здесь хозяин сел в глубокое кресло, и взяв в руки лежавшие на столике четки, медленно перебирал их, чтобы не заснуть. Приглашенный посторонний, не принадлежавший к числу завсегдатаев, сел поблизости хозяина, поддерживая с ним беседу. Таковую беседу Г.Г. Маразли очень любил и старался залучить к себе интересных для него собеседников. Приедет в Одессу выдающийся артист, он получает приглашение на обед.

В конце восьмидесятых годов Одессу посетила мейнингенская драматическая труппа, во главе которой стоял директор в чине тайного советника. Это последнее обстоятельство открыло ему двери в дом Г.Г. Маразли, который, оставаясь верен своему принципу амфитриона, пригласил директора "мейнингенцев" на обед. За столом речь зашла о герцоге мейнингенском, создавшем образцовую драматическую труппу. В своей любви к театру, говорил директор, герцог не остановился перед женитьбой на актрисе после смерти своей первой жены из княжеского рода. "*Der Mann hat Courage!*" — со вздохом заключил свое повествование директор.

"Мейнингенцы" давали в Одессе на сцене нового городского театра "Смерть Валенштейна" трагедию Шиллера, "Юлия Цезаря" Шекспира, "Ифигению в Тавриде" Гете, "Заговор Фиеско в Генуе" Шиллера. Для исполнения массовых сцен, где нужно было воспроизвести движение толпы на площади, улице, в обширных залах замка, — "мейнингенцы" прибегали к содействию местных солдат, которых обучали в несколько репетиций и делали из них римлян в "Юлии Цезаре", рыцарей в "Смерти Валенштейна".

Певец бас из парижской оперы Морель приехал в Одессу и поставил оперу "Фауст" Гуно, в которой он исполнял роль Мефистофеля. Накануне своего дебюта на одесской сцене он обедал у Маразли и говорил, что каменный помост, устроенный из пожарной предосторожности между рампой и сценой, где стоят артисты, производит на него расхолаживающее впечатление и мешает установить непосредственное общение со зрителями.

Директор московской музыкальной консерватории В.И. Сафонов впервые посетил весной 1896 г. Одессу, когда дирижировал двумя концертами в Городском театре. Одесситы отнеслись с первого же раза в высшей степени сочувственно к русскому дирижеру.

Неоднократно во время двухнедельного своего пребывания в Одессе В.И. Сафонов бывал приглашен к Г.Г. Маразли на обеды, которые характеризовал в следующем двусмыслении;

"Обедали у Маразли вы?"

Там за столом ума разливы!"

Выйдя из-за стола после обеда, Г.Г. Маразли садился в кресло и брал в руки четки, перебирая которыми думал разогнать дремоту. Входит слуга во фраке и докладывает: "Их превосходительство генеральша К... изволили спрашивать по телефону: как здоровье вашего превосходительства?". На что Г.Г. Маразли, похлопав четками, отвечал: "Скажите их превосходительству генеральше К..., что мое здоровье хорошо!".

Слуга говорит: "Слушаюсь", — и уходит, но через несколько минут возвращается и докладывает: "Их превосходительство генеральша К... просят прислать за ними экипаж".

Г.Г. Маразли, оживляясь, приказывает: "Пошлите!".

Вскоре слышится шум выезжающего из двора экипажа, который стоял уже наготове, так как описанная сцена повторялась ежедневно, и действующие лица хорошо изучили свои роли.

Очень редко Г.Г. Маразли приглашал к себе одесское общество. По случаю столетия города Одессы он устроил у себя на даче, на Малом Фонтане, вечер с фейерверками и иллюминацией, да в другой раз в конце девяностых годов зимой пригласил на любительский спектакль, в котором принимала видное участие М.Ф. Кич, игравшая роль маркизы во французском водевиле вместе с бароном Штейгером, исполнявшим роль ее поклонника.¹ Участие М. Ф. Кич в любительском спектакле в доме Маразли заставило говорить, что "Маразли кичится!".

Несколько лет спустя Г.Г. Маразли обвенчался с М.Ф. Кич.²

В течение почти семнадцати лет Г.Г. Маразли состоял одесским городским головой. Неся свою общественную службу, он вдохновлялся виденными им примерами влиятельных "Bürgermeister'ов" в Германии. Приехав в деревню "Oberamergau", где каждые десять лет ставят мистерии из жизни и смерти Иисуса Христа, — Г.Г. Маразли не нашел для себя помещения, так как наплыв приезжих был так велик, что все было занято. Он немедленно обратился к "Bürgermeister'у" деревни Оберамергау, ссылаясь на свое звание одесского городского головы, чтобы получить приличную квартиру, но ввиду встретившихся затруднений разразился восклицаниями, что, если бы "Bürgermeister" деревни Оберамергау приехал в Одессу, то одесский городской голова сумел бы позаботиться о доставлении ему удобного помещения. Когда Г.Г. Маразли, вернувшись в Одессу, рассказал о своем посещении мистерии в Оберамергау и о том, что зрителей собралась свыше пяти тысяч человек, приехавших со всех концов света, то слушавший его граф А.Г. Строганов охладил все эти восторги кратким замечанием: "Cin mille imbéciles!".

За все время управления городскими делами Одессы Г.Г. Маразли испытал одну неприятность, глубоко им прочувствованную. Деятельность Маразли и его ближайших сотрудников сначала была направлена на внешнее украшение города. Устроили Александровский парк, выстроили новый городской театр. Весной 1888 г. бывший тогда генерал-губернатор и командующий войсками генерал Рооп пригласил гласных городской Думы к себе во дворец в день Св. Троицы после окончания соборной литургии. Гласные, празднично настроенные и в праздничных нарядах, направились в дом генерал-губернатора, думая, что их ожидает радушно предложенный завтрак. Собрались в зале, сгруппировались и ждут. Открывается дверь, и в ней показывается невысокая фигура генерала Роопа, который, отчетливо произнося каждое слово, говорит: "Сады устраивать умеете, а чистое белье для больных в городской больнице доставлять не умеете..." — после чего генерал Рооп повернулся, и двери за ним закрылись. Гласные некоторое время молчали, затем молча разошлись, затаив волновавшие их чувства. Слабым утешением являлось воспоминание, что при осаде крепости Карса в последнюю турецкую войну 1876-77 года генерал Рооп командовал пехотной дивизией, которую поэтому называли "ропкая дивизия".

Летние месяцы Г.Г. Маразли проводил сперва в Карлсбаде, где пользовался большой известностью под именем Excellenz Marasly, затем ехал в Париж, неизменно возвращаясь в августе на свою малофонтанскую роскошную дачу.

Несколько лет позже в одну из таких заграничных поездок Г.Г. Маразли я с ним встретился в Париже, где мы оба жили в "Grand Hôtel" на бульваре Капуцин. Г.Г. Маразли был не один, с ним приехал старик Стамеров, директор Бессарабско-Таврического банка в Одессе, и П.Н. Кич³ с женой, которая несколько лет спустя вышла замуж за Г.Г. Маразли.

Г.Г. Маразли знал Париж в лучшие молодые годы своей жизни. Окончив курс в одесском Ришельевском лицее в конце сороковых годов, он подолгу жил в Париже во времена блеска второй французской империи Наполеона III. Здесь он посещал театры, был принят в обществе артистов. Изданная в восьмидесятых годах книга "Sarah Barnoum", посвященная характеристике знаменитой актрисы Сарры Бернар, упоминает о том, что богатый одесский грек Маразли бывал у нее и оказывал ей свое покровительство.

В одесском своем доме, на углу Дерибасовской, Г.Г. Маразли собрал немало картин, преимущественно иностранных художников, фарфоров, расставленных на многочисленных этажерках в верхнем этаже дома; здесь

же, но только в нижнем этаже, помещалась обширная библиотека, ныне переданная в одесскую городскую библиотеку.

Другое собрание иного рода находилось в примыкающих к дому на-дворных постройках, — это изданные на средства Г.Г. Маразли перево-ды русских писателей на греческий язык. Количество изданных книг было столь велико, что тяжесть их угрожала целостности постройки, где они хранились; сбыта же их среди греческой читающей публики не бы-ло никакого.

Будучи крупным землевладельцем, Г.Г. Маразли отдавал свои земли в аренду и лично не содействовал поднятию сельского хозяйства; он не создал никакой отрасли промышленности, подобно тому, как князь Воронцов, а за ним князь А.С. Голицын, содействовали развитию виноделия в Крыму.

Занимая должность одесского городского головы, он окружил себя со-трудниками, среди которых обращали на себя внимание товарищ головы барон Витте, устроитель одесских садов, члены управы генерал Минчиа-ки, бывший одесский полицмейстер, Хари, заведовавший финансами, на-конец, профессор В.Н. Лигин, руководивший народным образованием.

Несмотря на свое иностранное происхождение, — Г.Г. Маразли был грек по рождению — несмотря на недостаточное владение русским язы-ком, столь извинительное по словам Пушкина:

"Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю"...

Г.Г. Маразли вошел в условия русской действительности и приспособил-ся к той среде, в которой жил и действовал, ассимилировался с ней и до-стиг совершенного "мимикри", по выражению социологов, характеризую-щих этим термином слияние индивида с окружающей средой.

Несомненно, Г.Г. Маразли внес своей многолетней деятельностью улучшение в строй жизни, одесского общества и этим заслужил прочувст-венное слово, сказанное С.И. Знаменским при его погребении и пригла-шавшим его "остановиться", то есть еще мгновение побыть с теми, кто привык руку об руку с ним идти по жизненному пути.

Примечания

¹ Подробный репортаж об этом событии находим в "Ведомостях одесского градоначальства", 1893 г., 21 марта: "Третьего дня в 8 вечера у тайн. совет. Г.Г. Маразли состоялся домашний спектакль. Была исполнена трехактная салонная пьеса Александра (Крылова) "Так на свете все превратно", в которой особенно выделились в исполнении *m-lle R.*, *m-lle Л.* и *m-me К.*, кн. М. и бар. Ш. <...> В роскошной зале была устроена небольшая,

но необыкновенно изящно обставленная сцена, залитая электрическим светом. В соседней большой комнате был устроен роскошный буфет. Приглашенных было около 200 человек, представлявших собою сливки одесского общества во всех сферах <...>".

² Бракосочетание состоялось в греческой Свято-Троицкой церкви, о чем в "Метрической книге на 1903 г." сохранилась следующая запись:

"Октябрь, 3. Тайный советник и почетный опекун Григорий Григорьевич Маразли, православный, первым браком. Лета жениха 71. Разведенная жена действительного статского советника Павла Николаевича Кича Мария Фердинандова, урожденная Наркевич, православная, вторым браком. Лета невесты 45". (ГАОО. Ф. 37, оп. 13, ед. хр. 584, л. 43 об.) Документ обнаружен Р.Л. Шуваловым.

3. Кич Павел Николаевич (1847 или 1848 — 1905). С 1884 г. — председатель коммерческого суда в Одессе. С 1888 по 1891 г. исполнял обязанности одесского градоначальника. Более подробные сведения о нем можно найти в некрологе, опубликованном в "Одесских новостях" за 26 февраля 1905 г.

Публикация Татьяны ЩУРОВОЙ

